
Л. В. СОКОЛОВА

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

Параллельные чтения в «Сказании о Мамаевом побоище» и «Задонщине»: проблема заимствований

РЕЗЮМЕ

Связь между памятниками Куликовского цикла — сложная и до сих пор не решенная проблема. В частности, нет единого мнения по поводу взаимоотношения «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины». В статье рассматриваются параллельные чтения этих памятников, которые одни исследователи считают заимствованиями из «Задонщины» в «Сказание», а другие придерживаются противоположного мнения. Анализ параллельных чтений показал, что на самом деле имело место сложное взаимовлияние памятников: первоначально «Задонщина» была написана на основе «Сказания», а позже редакторы «Сказания» привнесли в его текст несколько заимствований из «Задонщины». Сопоставление параллельных чтений подтверждает ранее высказанное автором мнение о первичности «Сказания» по отношению к «Задонщине». Кроме того, проведенный анализ опровергает гипотезу о том, что «Сказание» дважды подвергалось влиянию «Задонщины»: в первый раз при написании текста, а затем при его редактировании.

Ключевые слова: «Сказание о Мамаевом побоище», «Задонщина», заимствования, текстология, история текста, редакции.

Lidia V. Sokolova (Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia). Parallel Readings in the Narration of the Battle with Mamai and Zadonshchina: The Problem of the Borrowings

ABSTRACT

The connection between the texts about the Battle of Kulikovo is a complex and still unsolved problem. In particular, there is no consensus about the relationship between the *Narration of the Battle with Mamai* and *Zadonshchina*. The author examines parallel readings found in these texts, which some scholars consider to be the borrowings from *Zadonshchina* in the *Narration*, while others hold on to the opposite opinion. The analysis of the parallel readings indicates that in fact the complex mutual influence took place: initially *Zadonshchina* was composed on the basis of the *Narration*, but later the editors of the *Narration* supplied its text with several borrowings from *Zadonshchina*. The step by step comparison of the readings confirms the opinion already expressed by the author about the primacy of the *Narration* in relation to *Zadonshchina*. The comparison makes possible to discard the hypothesis assuming the *Narration* was influenced by *Zadonshchina* two times: for the first time it was influenced when the text was written, and later on when it was edited.

Keywords: Narration of the Battle with Mamai, *Zadonshchina*, textual borrowing, textual criticism, textual history, text editing.

Вопрос о взаимоотношении двух памятников Куликовского цикла — «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» — является сложным и до сих пор не решен окончательно. Проблема усугубляется тем, что известные нам тексты не являются авторскими, а представляют собой позднейшие редакции. В этих позднейших редакциях отдельные фрагменты в двух памятниках совпадают или близки друг другу, и иногда бывает трудно определить, в каком из произведений такой общий фрагмент входил в авторский текст.

Большинство параллельных чтений двух произведений рассматривалось исследователями как вставки из «Задонщины» в «Сказание». Специальные работы посвятили этому Л. А. Дмитриев, проанализировавший вставки из «Задонщины» в четырех основных редакциях «Сказания о Мамаевом побоище»,¹ и Н. С. Демкова, углубленно исследовавшая вставки из «Задонщины» в Распространенной редакции «Сказания».² Л. А. Дмитриев полагал, что одним из источников «Сказания о Мамаевом побоище» была «Задонщина». Причем сравнительный анализ текстов «Сказания» и «Задонщины» свидетельствует, по его мнению, об обращении к «Задонщине» как автора «Сказания», так и последующих редакторов и переписчиков этого произведения. Помимо непосредственных вставок из «Задонщины», в «Сказании», по словам Л. А. Дмитриева, много эпизодов, в которых автор перерабатывает текст «Задонщины», создает самостоятельные композиции по ее мотивам, использует отдельные слова, обороты, образы своего поэтического источника.³ По мнению Н. С. Демковой, «в собственно авторском тексте («Сказание»). — Л. С.) „Задонщина“ использовалась как источник по истории Куликовской битвы и переделывалась в стиле „Сказания“, и, кроме того, цитаты из нее, отдельные выражения „украшали“ авторский текст „Сказания“, использовались как своеобразный словесный орнамент».⁴ В связи с этим Демкова отмечает, что «характер обращения „Сказания о Мамаевом побоище“ к „Задонщине“ был двояким — стилистическим и источниковедческим».⁵

Как видим, Л. А. Дмитриев и Н. С. Демкова пришли к выводу, что «Сказание» было создано после «Задонщины» и что некоторые вставки из «Задонщины» были сделаны уже в авторский текст «Сказания». Однако проведенный нами вслед за Л. А. Дмитриевым анализ одиннадцати вставок из «Задонщины», читающихся в большинстве редакций «Сказания», привел к выводу, что они были внесены не в авторский текст, а в общий протограф тех редакций, в которых эти заимствования из «Задонщины» присутствуют.⁶

¹ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 385—439.

² Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 440—476.

³ Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 306—359.

⁴ Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». С. 447.

⁵ Там же. С. 476.

⁶ Соколова Л. В. Содержал ли авторский текст «Сказания о Мамаевом побоище» вставки из «Задонщины»? (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 101—121.

Более того, в статье «К вопросу о датировке и авторстве „Сказания о Мамаевом побоище“» нами приведены факты, свидетельствующие о том, что «Сказание» было создано до «Задонщины».⁷

Этот вывод ставит новый вопрос: каково происхождение параллельных фрагментов двух памятников? В настоящей статье анализируются несколько параллельных фрагментов «Сказания» и «Задонщины»: 1) сообщение о пире у Микулы Васильевича, 2) историческое припоминание о битве на Калке и расчет лет от битвы на Калке до Мамаева побоища, 3) фрагмент «стояние на костях», состоящий из описания поля боя после битвы, «расчета убитых» и последующих двух речей Дмитрия Ивановича.

1. Фраза о пире у Микулы Васильевича

Сообщение о пире у Микулы Васильевича читается в Пространной редакции «Задонщины» в списке У и в неполном списке Ж (в И-1 отсутствует).⁸ Оно читается также в «Сказании»: в двух вариантах Основной редакции (Ундольского и Забелинском), в Распространенной и в Киприановской (входящей в Никоновскую летопись) редакциях. Но здесь сообщение помещено не в начале текста, как в «Задонщине», а во фрагменте, рассказывающем о посылке «сторожи» в поле для разведки.

К фразе «Задонщины» ближе всего вариант Ундольского Основной редакции «Сказания». Сравним эти тексты.

Таблица 1

«Задонщина», список У	«Сказание», Основная редакция, вариант Ундольского
<p>Князь великий Дмитриеи Ивановичъ с своим братом с княземъ Владимиром Андрѣвичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Вѣдомо намъ, брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣскую землю (У, л. 169 об.—170).⁹</p>	<p>Князь же великий Дмитриеи Ивановичъ говорит у Микулы у Васильевича на пиру з братом с своим, съ княземъ Володимиром Андрѣвичемъ, со всеми рускими князми и воеводами, здумаша, яко и сторожу уготовати тверду в поли.¹⁰</p>

⁷ Соколова Л. В. К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 663—669.

⁸ Принятое в науке условное обозначение списков «Задонщины»: РГБ, собр. Ундольского, № 632 (У); ГИМ, собр. Музейское, № 2060 (И-1); ГИМ, собр. Музейское, № 3045 (И-2); БАН, 1.4.1 (Ж); РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086 (К-Б); ГИМ, Синодальное собр., № 790 (С). Списки «Задонщины» цитируются по публикации: Тексты «Задонщины» / Подгот. к печати Р. П. Дмитриева // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 533—556. При цитировании ссылка на списки дается в тексте, в скобках, с указанием листов рукописи.

⁹ Ср. в списке Ж (л. 30 об.): «Князь Дмитриеи Ивановичъ своимъ (так. — Л. С.) братомъ Владимиромъ Ондрѣвичомъ и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Вѣдомо намъ, братие милыи, что у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю».

¹⁰ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 146—147.

Высказывались разные мнения по поводу того, какой была взаимосвязь этих текстов. А. А. Шахматов полагал, что фраза о пире у Микулы Васильевича восходит к общему источнику «Задонщины» и «Сказания» — предполагавшемуся им «Слову о Мамаевом побоище»,¹¹ существование которого не получило подтверждения.

Л. А. Дмитриев, исходя из своего убеждения в первичности текста «Задонщины» по отношению к «Сказанию», предполагал четыре возможных варианта: 1) вставка из «Задонщины» была сделана в авторский текст «Сказания»; 2) это вторичное заимствование из «Задонщины» в «Сказание», сделанное одним из редакторов памятника; 3) фраза о пире читалась в общем источнике «Задонщины» и «Сказания»; 4) рассказ о пире первоначально читался в «Сказании» (либо уже в авторском тексте, либо в каких-то отдельных видах «Сказания») и затем из «Сказания» был заимствован в «Задонщину» на позднем этапе литературной истории этого произведения.¹²

О. В. Творогов показал вторичность фрагмента о пире в «Задонщине», указав на отсутствие логической связи между ним и последующим текстом: «Во-первых, призыв „посмотреть по всей земле Русской“ (следующий за фразой о пире. — Л. С.) едва ли относится к собеседникам великого князя. Скорее всего — это обращение к слушателям „похвалы“, к которым автор обратится и дальше: „Снидемся, братия и друзи“. <...> Во-вторых, если видеть в этой фразе продолжение беседы на пиру, то странно, почему, сообщив о приходе Мамаю „к нам в Залесскую землю“, автор призывает отправиться в „полуночную страну“ (к которой относится и Залесская земля), на горы Киевские».¹³

По мнению А. А. Зимина, в «Задонщине» «фраза (о пире. — Л. С.) как бы повисает в воздухе, ибо она не связана с текстом введения», а в «Сказании» «ее контекст логичен»: получив на пиру у Микулы Васильевича сведения о движении Мамаю, великий князь отдает распоряжение «сторожу уготовити крепку в поле».¹⁴ А. А. Зимин полагал, что фрагмент о пире, которого не было в архетипе Краткой редакции, внесен в Пространную «Задонщину» из «Сказания о Мамаевом побоище» Киприановской редакции (входит в состав Никоновской летописи).

Н. С. Демкова, рассматривая вставки из «Задонщины» в Распространенную редакцию «Сказания», высказала противоположную точку зрения. По ее мнению, фраза о пире была заимствована из «Задонщины» в «Сказание», поскольку в «Сказании» она «ощущается как нечто чужеродное и в тексте варианта У (Ундольского. — Л. С.) и в Распространенной редакции: неясно, о чем „говорит“ великий князь (имеющийся в «Задонщине» текст его речи здесь утерян), фраза отрывочна и содержит едва ли не единственное в „Сказании“ употребление в повествовании глагола в настоящем времени».¹⁵

¹¹ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго (СПб., 1906) // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 183—184.

¹² Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. С. 418—419.

¹³ Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 526—527.

¹⁴ Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 43.

¹⁵ Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». С. 457.

Действительно, в «Сказании» фраза о пире не выглядит органично. Перед этой фразой описывается, как после получения вестей о намерении Олега Рязанского и Ольгерда Литовского присоединиться к Мамаю Дмитрий Иванович «нача сердцем двизатися и наполнися ярости и горести и нача молитися» (приводится текст молитвы); затем вместе с Владимиром Андреевичем он повторно идет к митрополиту, сообщает ему о соединении трех врагов и советуется с ним. Сразу после этой картины, рисующей разгневанного и взволнованного великого князя, следует сообщение о пире у Микулы Васильевича, на котором Дмитрий Иванович вместе со всеми князьями и воеводами «здумаша <...> сторожу уготовати тверду в поли». Уместно ли здесь сообщение о пире?

Тот факт, что фраза о пире неорганична в «Сказании», даже неуместна, подтверждает желание последующих переписчиков отредактировать ее и связанный с ней контекст. В варианте Ундольского Основной редакции и в списках Распространенной редакции I вида читается текст, наиболее близкий к «Задонщине». В других списках Распространенной редакции фраза о пире редактируется с целью сделать повествование логичнее. Так, в списках II вида Распространенной редакции вместо сообщения о пире у Микулы Васильевича сообщается о приходе великого князя «в дом свой»: великий князь «со братом своим со князем Володимером Андреевичем прииде в дом свой и совет сотворив со всеми русскими князи и боляры и с воеводами, здумаша, яко стражу уготовати тверду в поли» (список РГБ, ф. 29 (собр. Беляева), № 1516, л. 295 об.). Как замечает Н. С. Демкова, здесь «былинный облик князя, на пиру у друга решающего государственные дела, заменен иным: князь принимает решение о посылке „стражи“ в поле как бы „по чину“ — „прииде в дом свой и совет сотворив со всеми русскими князи и боляры и с воеводами“». ¹⁶ Несколько измененный вариант заимствованной из «Задонщины» фразы читается в трех списках третьей группы I вида Распространенной редакции: «Князь же великий Дмитрей Иванович говорит у Микулы Васильевича с братом своим и со всеми русскими князьями, здумаша, яко уготовит сторожу» (список РНБ, Эрмитажное собрание, № 526, л. 8 об.). Особенностью этого варианта является утрата слова «на пиру», что свидетельствует, по словам Н. С. Демковой, «об удалении этой группы списков от первоначального текста», ¹⁷ а также, добавим, о том, что упоминание пира после получения тревожных вестей о Мамае выглядело нелогично в глазах древнерусских книжников.

В Киприановской редакции фраза о пире тоже отредактирована. Здесь читаем: «И великому князю бывшу на пиру у Никулы Васильевича тысяцкого з братом своим со князем Володимером Андреевичем и со всеми тогда пришедшими князи и воеводами, и *се паки начяша поновлятися вести, яко Мамай неотложно хоцет ити на великаго князя Дмитриа Ивановича*. Он же з братом своим со князем Володимером Андреевичем и с прочими князи и воеводами, советовавше, умыслиша сторожу уготовати крепку в поле». ¹⁸ Добавленная фраза (выделена нами курсивом) может указывать на то, что

¹⁶ Там же. С. 456.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 55.

составитель Киприановской редакции самостоятельно обращался к тексту «Задонщины», где на пиру сообщают именно о приходе Мамаю.

В Забелинском варианте Основной редакции тоже встречается мотив пира. Текст здесь существенно переработан: «Того же дни по Ильине дни на третьей день князь великий Дмитриеи Ивановичь у себя на пиру в набережных теремах чаши изволил за своего брата, за князя Владимира Андреевича». ¹⁹ Этот текст читается в Забелинском варианте в ином месте и осложнен большой вставкой — рассказом о войске Мамаю приехавшего на пир «Андрея Попова сына Семенова», который начал свою речь такими укоряющими словами: «Ныне не подобает тебе, государю Руския земли, веселитесь и сладких медов испивати, но есть, княже, время всем молитися Богу и мыслити о всем, како снабдити земля Руская тихо и безмятежно. Идет на тебя, государь, царь Мамаи со всеми силами ордынскими...». ²⁰ При этом составитель Забелинского варианта счел нужным пояснить, что, устраивая пир, великий князь еще «не ведаше прихода царева на себя, ни совокупления Олга резанскаго и Олгерда литовскаго ко царю». ²¹ По мнению Л. А. Дмитриева, «включение данного эпизода в Забелинский вариант могло иметь самостоятельный, независимый от других видов „Сказания“ характер». ²² Однако с этим трудно согласиться, ведь сам ученый охарактеризовал приведенный текст как «своеобразную переработку, характерную для Забелинского варианта», и отметил, что источник мотива пира в Забелинском варианте тот же, что в варианте Ундольского и в Киприановской редакции. ²³

Итак, и в «Задонщине», и в «Сказании» фраза о пире выглядит неорганично, как вторичная вставка. В каком же из произведений она появилась впервые?

Мы уже писали о том, что фраза о пире отсутствовала в авторском тексте «Задонщины» и была внесена составителем Пространной редакции; ²⁴ ему, видимо, было непонятно начало пролога в «Задонщине»: кто и к кому обращается со словами «Поидем, брате, ²⁵ тамо в полунощную страну жребия Афетова...», и он решил перед этой начальной фразой авторского текста внести сообщение о пире, во время которого не названный по имени персонаж (вероятно, Дмитрий Иванович) произносит: «Вѣдомо намъ, *брате*, у быстрого Дону царь Мамаи пришел на Рускую землю...» (У, л. 169).

А. А. Потебня указал на сходство фразы о пире в «Задонщине» с былинным зачином, заметив при этом: «Трудно решить, послужили ли поводом

¹⁹ Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 169.

²⁰ Там же. С. 169—170.

²¹ Там же. С. 169.

²² Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. С. 418.

²³ Там же.

²⁴ Анализ текста предисловия (пролога) в «Задонщине», в котором автор обращается к читателям или слушателям, см.: Соколова Л. В. Первоначально ли Краткая редакция «Задонщины»? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 686—691.

²⁵ По сообщению О. В. Творогова, в списке У «слово „брат[е]“ неразборчиво, его можно прочесть и как „братии“. <...> Так же неоправданно написание „брате“ вместо „братие“ и во фразе „Лудчи бо нам, брате, начяти...“. В И-1: „брате“, которое можно прочесть и как „братие“» (Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине». С. 526).

к такому началу обычные начала великорусских былин с пира, на котором завязывается событие, или же в основании лежит действительное событие. Во всяком случае тут нет никакой внутренней связи с следующим затем <...> „пойдем, брате...“ и пр.».²⁶ Вероятно, ритмическая организация авторского текста «Задонщины» послужила основанием для составителя Пространной редакции воспринять ее текст как родственный в жанровом отношении былинам.

По какой-то причине фраза Пространной редакции «Задонщины» о пире у Микулы Васильевича показалась интересной одному из редакторов «Сказания» — составителю протографа, общего для варианта Ундольского Основной редакции и Распространенной редакции, а также Киприановской редакции. Фраза о пире была внесена в этот протограф близко к тексту «Задонщины», а затем редактировалась: и во II виде Распространенной редакции, и в Киприановской редакции, и в Забелинском варианте Основной редакции.

В варианте О Основной редакции, в Летописной редакции и в первой группе I вида Распространенной редакции упоминания о пире нет.²⁷ В варианте О Основной редакции сказано: «Князь же великий Дмитрей Иванович з братом своимъ съ князем Владимиром Андрѣевичем и съ всѣми русскими князи и воеводами здумаша, яко сторожу твердо уготовити в полѣ».²⁸ Вероятно, это первоначальный текст «Сказания», в который позднее, под влиянием «Задонщины», одним из редакторов было внесено словосочетание «говорит у Микулы у Васильевича на пиру», в результате чего получилось синтаксически нескладное предложение с лишним глаголом «говорит», ни к чему не относящимся.

Л. А. Дмитриев, допуская в частности, что рассказ о пире может быть вторичным заимствованием из «Задонщины» в «Сказание», внесенным одним из редакторов, отметил: «В таком случае придется признать, что между вариантом У Основной редакции, некоторыми видами Распространенной и Киприановской редакцией „Сказания“ существует какая-то связь, ибо едва ли одна и та же вставка в этих видах „Сказания“ могла быть сделана независимо друг от друга».²⁹ И такая связь действительно существует. Сам Л. А. Дмитриев писал об общем протографе варианта Ундольского Основной редакции и Распространенной редакции и близости к этому протографу Киприановской редакции.³⁰ Рассматривая именно фразу о пире у Микулы Васильевича, исследователь отметил, что общий источник варианта У и Киприановской редакции «несомненен».³¹ К тому же выводу пришла Н. С. Демкова:

²⁶ *Потебня А. А.* I. Слово о полку Игореве. Текст и примеч. С доп. из черновых рукописей «О Задонщине»; II. Объяснение малорусской песни XVI в. 2-е изд. Харьков, 1914. С. 162.

²⁷ Н. С. Демкова считала, что отсутствие фразы о пире и даже ее следов в первой группе I вида (как и в ряде списков второй группы) не противоречит ее предположению о том, что она имела в протографе всей Распространенной редакции. См.: *Демкова Н. С.* Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». С. 456—457.

²⁸ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 29.

²⁹ *Дмитриев Л. А.* Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. С. 419.

³⁰ Там же. С. 424, в том числе примеч. 48.

³¹ Там же. С. 418.

I вид Распространенной редакции (к нему относится большинство списков) в сюжетном отношении наиболее близок варианту Ундольского Основной редакции, а точнее — его протографу,³² а Киприановская редакция имела в своем распоряжении текст, близкий к протографу варианта Ундольского и Распространенной редакции.³³

Итак, авторство фразы о пире у Микулы Васильевича принадлежит, по нашему мнению, составителю Пространной редакции «Задонщины», который не понял смысл начала авторского текста «Задонщины» (пролога), не связанного непосредственно с повествованием о Куликовской битве, и, ориентируясь на былинный зачин, внес перед прологом фразу о княжеском совете на пиру. Эта фраза оказалась оторванной от непосредственного рассказа о приходе на Русь Мамаю, с которым ее разделяет пролог. Фраза о пире у Микулы Васильевича вторична как в самом тексте «Задонщины» (ее не было в авторском тексте, она добавлена в Пространную редакцию), так и в тексте «Сказания», будучи внесенной в него из Пространной редакции «Задонщины» на позднем этапе существования памятника в общий протограф одной из групп рукописей.

II. Историческое припоминание о битве на Калке

Обратимся в первую очередь к «Задонщине», где фраза о битве на Калке читается в прологе. Пролог в «Задонщине» является неотъемлемой частью памятника. В нем автор противопоставляет победу русских воинов на Куликовом поле поражению, во-первых, на Каяле от половцев («Задонщина», по словам Д. С. Лихачева, продиктована идеей реванша), после которого Русская земля «сидит невесела», а во-вторых, поражению на Калке от ордынцев, после которого она вплоть до Мамаева побоища «тугою и печалию покрывшася»: «...от него же (Сима. — Л. С.) родися хиновя поганые татарова бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов. И оттоля Руская земля сѣдять невесела, а от Калатѣския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаюты» (У, л. 170—170 об.).

В конце пролога «Задонщины» читается фраза с расчетом лет от битвы на Калке до Мамаева побоища. «А от Калатѣския рати до Мамаева побоища 170 лѣтъ» (У, л. 172 об.). В списках И-1 и С «Задонщины» число лет иное — 160.³⁴ Эта фраза с расчетом лет является, по нашему мнению, позднейшей вставкой в авторский текст. Она разрывает связанное повествование о Дмитрии Ивановиче и Владимире Андреевиче, вторая часть которого поясняет первую и присоединяется к ней союзом «ибо» («Се бо...»). Приведу этот фрагмент в своей реконструкции по списку У с ритмической разбивкой на строки.

³² Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». С. 441, 442. На с. 454 Демкова еще раз указала на общий протограф Ундольского варианта Основной редакции и Распространенной редакции.

³³ Там же. С. 441, 457.

³⁴ Ср.: «От Калагѣския рати до Мамаева побоища лѣтъ 160» (И-1, л. 216).

Аз же помяну Софония резанца³⁵
и восхвалю пѣсними гусленными,
буиными³⁶ словесы
сего великаго князя Дмитрея Ивановича
и брата его князя Владимира Андреевича <...>
А от Калатьские рати до Мамаева
побоища 170 лѣт.
Се бо князь великийи Дмитрей Ивановичь
и братъ его князь Владимиръ Андрѣевичь,
помолися Богу и пречистей его матери,
истезавше ум свои крепостью³⁷
и поостриша сердца свои мужеством
и наполниша ратного духа,
уставиша собѣ храбрѣя полькы³⁸ в Руской землѣ.
(У, л. 172 об.—173)

Вероятно, составитель Пространной редакции «Задонщины» решил уточнить словосочетание «от Калатьския рати до Мамаева побоища», читавшееся в прологе авторского текста («И оттоля Руская земля сѣдитъ невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывашя»), указанием количества лет, прошедших от битвы на Калке до Мамаева побоища. Числовые вставки характерны для составителя Пространной редакции «Задонщины», но атрибутировать ему расчет лет от битвы на Калке до Куликовской битвы мешает то обстоятельство, что в искаженном и усеченном виде (без указания количества лет) эта фраза читается в Краткой редакции, в списке К-Б: «От тоя рати (перед этим ни о какой рати не говорится. — Л. С.) и до Мамаева побоища» (К-Б, л. 123). Очевидно, вставка была сделана в общий протограф Краткой и Пространной редакций «Задонщины». Но поскольку вставка фразы с расчетом лет соответствует стилю работы составителя Пространной редакции, можно допустить, что в список К-Б фраза в искаженном виде попала каким-то образом из Пространной редакции.

В «Сказании» историческое припоминание о битве на Калке читается в плаче-молитве великой княгини Евдокии. Приведем плач по варианту О Основной редакции «Сказания», заключив в квадратные скобки фрагмент, который является, по нашему мнению, позднейшей вставкой в авторский текст:

«Господи Боже мой, Вышний Творецъ, призри на мое смирение, сподоби мя, Господи, еще видѣти моего государя, славнаго въ челоуецѣхъ великаго князя Дмитрия Ивановичя. Дай же ему, Господи, помощь от своеа крѣпкыя руки побѣдити противныа ему поганыа половци!

[И не сътвори, Господи, якоже преже сего за мало лѣтъ велика брань была русским князем на Калках с погаными половци съ агаряны. И нынѣ избави, Господи, от такиа бѣды и спаси ихъ и помилуй! Не дай же, Господи,

³⁵ В таком порядке слова стоят в списке С («Софония резанца») и в И-1 («Ефония ерея резанца»), что представляется первичным, ибо отвечает ритмике строки; в У — «резанца Софония».

³⁶ Слово «буиными» вставлено по К-Б, так же в С; в И-1 — «буяни», в У отсутствует.

³⁷ Так в И-1, К-Б, С, в У — «крѣпкою крепостью».

³⁸ Так в И-1, в У — «воеводы».

погыбнути оставшему христианству, да славится имя твое святое в Русь-стѣй земли. От тоа бо галадцкыа (в др. списке Калкинѣския. — Л. С.) бѣды и великого побоища татарскаго и нынѣ еще Русскаа земля уныла и не имать уже надежи ни на кого, токмо на тебя, всемилостиваго Бога, можеши бо жывити и мертвити.]

Аз бо, грѣшная, имѣю нынѣ двѣи отрасли, еще млады суще, князя Василиа и князя Юриа: егда поразить их ясное солнце съ юга или вѣтръ повѣть противу запада — обоего не могут еще трѣпѣти. Азь же тогда, грѣшнаа, что сътворю? Нѣ възврати имъ, Господи, отца ихъ, великого князя, поздорову, ть и земля их спасется, а они въ вѣкы царствуютъ».³⁹

В Печатном варианте Основной редакции и в Летописной редакции «Сказания» во фрагменте, заключенном в квадратные скобки, читается фраза о количестве лет, прошедших от Калкской битвы до Мамаева побоища.⁴⁰ В Распространенной редакции фраза тоже присутствует, но в обоих опубликованных списках переставлена ниже, после слов «да славится имя твое святое», в результате чего текст выглядит логичнее.

Таблица 2

Печатный вариант Основной редакции «Сказания»	Летописная редакция «Сказания»	Распространенная редакция «Сказания»
Не сотвори, Господи, якоже за мало лет прежде бывшей брани на Калке рече христианом с татари от злаго Батыя. <i>От Каланскаго побоища до Мамаевы рати 160 лет.</i> От такового же беды ныне спаси, Господи, и помилуй. Не даждь же, Господи, погыбнути оставшему христианству. Да славится в них имя твое святое. От тоя бо брани Русская земля уныла... ⁴¹	И не сотвори, Господи, якоже за мало лет брань была крестьяном со еллины, <i>от Батыя до Калкския рати и до Мамаева побоища лет 158.</i> От такового же спаси, Господи, и не дай же, Господи, погыбнути оставшемуся христианству, да славится имя твое святое. От тоя бо брани Русская земля уныла... ⁴²	И не сотвори, Господи, якоже за мало лет брань была на Калках христианом со еллины. От такового спаси ны и помилуй! Не дай же ны погыбнути и оставшему христианству, да славится имя твое святое! <i>От тое Калкские рати до Мамаева побоища лет 160.</i> И оттоля Русская земля уныла... (список РНБ, Q.XVII, 223). ⁴³

В вариантах Ундольского и Забелинском Основной редакции «Сказания» вместо расчета лет от битвы на Калке до Мамаева побоища говорится, сколь-

³⁹ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 33.

⁴⁰ В Печатном варианте — 160 лет; в Летописной редакции по Лондонскому списку — 160, по остальным спискам — 158; в Распространенной редакции — 157 или 160 лет.

⁴¹ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 111.

⁴² Повести о Куликовской битве. С. 89.

⁴³ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 85. Ср. в списке РНБ, собр. Погодина, № 1414: «И не сътвори, Господи, якоже за мало лет брань була на Калках христианом с елены. От такового спаси помилуй! Не дай же, Господи, погыбнути оставшемуся христианству, да славится имя твое святое! *И от тоа бо Калкские рати до Мамаева побоища лет 157.* И оттоля Русскаа земля уныла...» (Повести о Куликовской битве. С. 129).

ко человек было убито на Калке, ср. в варианте Ундольского: «...якоже за мало лѣтъ брань была на Калкѣ христианомъ съ агаряны, убиль (в др. списках «убили». — Л. С.) тогда православных христианъ 400 000».⁴⁴ В варианте Михайловского Основной редакции, как и в процитированном выше варианте О, нет ни расчета лет, ни числа убитых.

В. П. Адрианова-Перетц отметила, что в «Сказании» «хронологическая выкладка в молитве (Евдокии. — Л. С.) явно не на месте; в Задонщине она также механически разрезает текст между двумя не относящимися к ней эпизодами. Что же касается самого воспоминания о Калкском поражении, то оно в обоих памятниках органически слито с текстом».⁴⁵

Л. А. Дмитриев, рассматривая вставки из «Задонщины» в «Сказание», отнес к ним и слова в плаче жены Дмитрия Донского о горе Русской земли после битвы на Калке. Поскольку в целом этот отрывок схож в разных редакциях и вариантах «Сказания»,⁴⁶ ученый заключил, что он входил уже в первоначальный текст памятника, но в разных редакциях и вариантах в этой вставке имеется различие. «Выкладка лет», по его мнению, тоже была в протографе «Сказания»; в вариантах О и Михайловского она была опущена, а в вариантах Ундольского и Забелинском заменена другой.⁴⁷

По нашему мнению, фрагмент плача княгини Евдокии с воспоминанием о битве на Калке, навеянный соответствующим текстом «Задонщины», внесен в «Сказание» не автором, а одним из редакторов памятника. В авторском тексте великая княгиня после просьбы к Богу сохранить живым великого князя Дмитрия Ивановича, помочь ему победить врагов, поясняет свою просьбу: ведь она, грешная, имеет двух сыновей, они еще слишком малы и беззащитны, сама она не сможет им помочь; если же Господь исполнит ее просьбу, возвратит живым отца их, то и земля их спасется, а они «въ вѣкы царствуютъ». В эту естественную в устах великой княгини просьбу позднейший редактор «Сказания» вставил текст, созданный им на основе пролога «Задонщины», где вспоминалась битва на Калке, после которой Русская земля «тугою и печалию покрываша», и содержалась просьба к Господу помиловать всех русских князей и не дать погибнуть «оставшемуся христианству». Вставленный фрагмент вклинивается в авторский текст «Сказания», нарушая логическую связь между двумя частями речи княгини (см. 1-й и 3-й абзацы приведенного на с. 554—555 текста по варианту О Основной редакции).

Можно было бы предположить, что расчет лет от битвы на Калке до Мамаева побоища в «Сказании» — это «вставка во вставку», поскольку указание на количество лет от одной битвы до другой читается только в Печатном варианте Основной редакции, Летописной и Распространенной редакциях «Сказания». Особенность Печатного варианта заключается в том, что его составитель самостоятельно обращался к тексту «Задонщины» и делал из него

⁴⁴ Памятники Куликовского цикла. С. 157.

⁴⁵ Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. Текст и примечания // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 207—208.

⁴⁶ В Киприановской редакции опущен весь плач великой княгини, это связано, по мнению Л. А. Дмитриева, с тем, что здесь нет также рассказа о прощании великого князя и русских князей и воевод с женами.

⁴⁷ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. С. 401.

дополнительные вставки. Среди них могла быть и фраза с расчетом лет от битвы на Калке до Мамаева побоища. Однако возвести к чтению Печатного варианта чтения Летописной и Распространенной редакций мешает то, что они ближе к «Задонщине»⁴⁸ порядком слов: «от рати до побоища» (в Печатном варианте — «от побоища до рати») (см. таблицу 2). Скорее всего, фраза с расчетом лет была включена во фрагмент о битве на Калке уже при заимствовании его из «Задонщины» в «Сказание». В вариантах О и Михайловского она была опущена, а в вариантах Ундольского и Забелинском заменена указанием количества убитых на Калке.

Итак, мы пришли к следующему выводу. В «Задонщине» упоминание битвы на Калке является авторским, входит в пролог памятника, а фраза с расчетом лет от битвы на Калке до Мамаева побоища внесена либо в общий протограф Краткой и Пространной редакций «Задонщины», либо (что не исключено) вставка сделана составителем Пространной редакции и в искаженном виде отразилась в списке К-Б. Редактор «Сказания» заимствовал из пролога Пространной редакции «Задонщины» фрагмент с упоминанием битвы на Калке, включив в него расчет лет от битвы на Калке до Мамаева побоища из того же пролога Пространной редакции. В таком виде заимствование читается в Печатном варианте Основной редакции, в Летописной и Распространенной редакциях. В вариантах О и Михайловского Основной редакции расчет лет от одной битвы до другой, странный в плаче княгини, был опущен, а в вариантах Ундольского и Забелинском заменен сообщением о количестве погибших в сражении.

III. Фрагмент «стояние на костях»

В «Сказании о Мамаевом побоище» и «Задонщине» есть текстуально близкие чтения во фрагменте «стояние на костях», рассказывающем о событиях, происходивших после завершения Куликовской битвы. Вопрос о том, в каком из этих произведений читается первоначальный текст совпадающих чтений, не решен.

Некоторые исследователи не включали фрагмент «стояние на костях» в реконструкцию авторского текста «Задонщины», считая его поздним заимствованием. По мнению В. П. Адриановой-Перетц, авторский текст «Задонщины» заканчивался рассказом о судьбе Мамаева: «...несомненно принадлежащей Софонии (автору «Задонщины» в понимании исследователя. — Л. С.) мы можем считать пока лишь ту центральную часть Задонщины, которая опирается на поэтический план и стилистику Слова о полку Игореве; с некоторой долей вероятности ему же можем приписать составление предисловия с отголосками Повести временных лет и, по какому-то народному преданию, рассказа о бегстве Мамаева, без нравоучительных сентенций».⁴⁹ По поводу за-

⁴⁸ В списке У «Задонщины» читаем: «А от Калатские рати до Мамаева побоища 170 лѣтъ» (У, 172 об.); в списке И-1: «От Калагѣския рати до Мамаева побоища лѣтъ 160» (И-1, л. 216); в С: «От Колонцыя роти лѣтъ 160 до Мамаева побоища» (С, л. 37).

⁴⁹ Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 204.

ключительной части («стояние на костях») исследовательница пишет, что «вряд ли <...> есть основание приписывать ее авторство Софонии».⁵⁰

В. П. Адрианова-Перетц при этом отмечает, что «изучение только рукописных текстов Задонщины не позволяет еще окончательно решить вопрос о первоначальном ее объеме. Вопрос этот органически связан с другими: когда, в каких редакциях Сказания о Мамаевом побоище появились отражения Задонщины? Все ли совпадения Задонщины и Сказания должны рассматриваться как перенесение эпизодов Задонщины в Сказание? Не повлияло ли оно само на какие-то версии Задонщины? Разобраться в этих вопросах можно будет лишь после того, как будет пересмотрена литературная история текстов Сказания».⁵¹ В другой работе В. П. Адрианова-Перетц утверждает, что ряд спорных вопросов состава авторского текста «Задонщины» «может быть решенным только после основательного пересмотра литературной истории всех трех повестей о Куликовской битве, в их взаимосвязях».⁵²

С. К. Шамбинаго в 1947 г. выполнил реконструкцию авторского текста «Задонщины» на основе списка У с привлечением списков К-Б, И-1 и С. Ученый не включил в свою реконструкцию предисловие (пролог) и ряд фрагментов, близких к «Сказанию»: сообщения об участии в походе новгородцев, о «кованной рати» Литвы и др.; не включил он в свою реконструкцию и фрагмент с перечислением погибших воевод, имеющий параллель в «Сказании».⁵³ Еще в своем труде 1906 г. — «Повести о Мамаевом побоище» — С. К. Шамбинаго высказал мнение, что расчет убитых по княжествам не входил в первоначальную редакцию «Задонщины», поскольку «композиция этого отрывка не носит характерных особенностей, отличающих Слово о полку Игореве, она ближе к народно-поэтическому творчеству <...> это перечисление варьировалось и дополнялось в различных списках».⁵⁴ С. К. Шамбинаго полагал, что счет убитых принадлежит тому же редактору, который написал вступление к «Задонщине» (пролог), но не автору «Задонщины», «который придерживался плана и выражений только одного Слова о полку Игореве».⁵⁵ В «Сказании о Мамаевом побоище» счет убитых и обращение великого князя к своему брату представляет, по мнению С. К. Шамбинаго, заимствование из позднейшей редакции «Задонщины».⁵⁶ А. А. Шахматов в рецензии на исследование Шамбинаго, напротив, включал счет убитых в основной текст «Задонщины», возводя его к «Слову о Мамаевом побоище» — предполагаемому им общему источнику «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище».⁵⁷

В. Ф. Ржига, взявший за основу реконструкции авторского текста «Задонщины» список И-1, внес в свою реконструкцию весь фрагмент «стояние

⁵⁰ Там же. С. 203.

⁵¹ Там же. С. 204.

⁵² Адрианова-Перетц В. П. Задонщина (к вопросу о реконструкции авторского текста) // ИЮЛЯ. 1947. Т. 6, вып. 2. С. 95—100.

⁵³ Софоний Рязанец. Задонщина. (Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю) / Послел. С. Шамбинаго. М., 1947. С. 7—34.

⁵⁴ Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 130.

⁵⁵ Там же. С. 129.

⁵⁶ Там же. С. 149—150.

⁵⁷ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго. С. 184.

на костях» и даже фразу из списка У (отсутствующую в И-1), завершающую Пространную редакцию «Задонщины»: «И поидем, брате князь Владимир Андрѣвичь, во свою Залескую землю <...> Богу нашему слава». ⁵⁸

А. Вайян, отметив в своем исследовании некоторое сходство между «Сказанием» и «Задонщиной», высказал мнение, что «Сказание» много заимствовало из *поздних* списков «Задонщины». ⁵⁹ В рецензии на исследование А. Вайяна А. В. Соловьев не согласился с ним: с его точки зрения, сходство «Сказания» со списками «Задонщины» XVI в. объясняется тем, что эти списки сохранили отдельные черты оригинала «Задонщины» конца XIV в. ⁶⁰ А. В. Соловьев считал, что заимствования были сделаны из авторского текста «Задонщины» в авторский же текст «Сказания о Мамаевом побоище».

По мнению Р. О. Якобсона, первоначальный текст «Задонщины» оканчивался словами: «Тако Господь Бог помиловал князеи русских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣвича», т. е. следующий за этим большой фрагмент «стояние на костях» он исключал из авторского текста. Ученый высказал предположение, что окончание Пространной редакции «Задонщины» по спискам У и И-1 (вид поля боя после битвы, расчет убитых и обращение великого князя к воинам) является «очевидным заимствованием из „Сказания“», «своеобразным вторым окончанием». ⁶¹ Л. А. Дмитриев признал, что для такого предположения Р. О. Якобсона есть основания. Перед этим отрывком говорится о поражении татар, богатой добыче русских и торжестве их славы по всем землям, о бегстве Мамаю в Кафу. Казалось бы, на этом текст должен оканчиваться, и новое возвращение к делам битвы (фрагмент «стояние на костях») может восприниматься как вторичная вставка. Однако, — пишет Л. А. Дмитриев, — внимательный анализ этой части «Задонщины» дает основание высказать и противоположное мнение (обоснование его см. далее).

Особую точку зрения на взаимоотношение «Задонщины» и «Сказания» высказал А. А. Зимин. Соотношение «Сказания о Мамаевом побоище» с обеими редакциями «Задонщины» представлялось ему в следующем виде: «С Краткой редакцией Задонщины Сказание о Мамаевом побоище сближают лирико-эпические места (зловещие предсказания, полет соколов и речетов и т. д.). Так как эти места органически входят в ткань повествования Задонщины, а вместе с тем являются как бы инородным телом в суровом церковно-воинском повествовании Сказания, то отсюда с неизбежностью вытекает вывод: Краткая редакция Задонщины явилась источником Сказа-

⁵⁸ Ржига В. Ф. Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина). С прил. текста Слова Софония. М., 1947 (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина / Кафедра рус. лит. Т. 43); ср.: Слово Софония рязанца (Задонщина) / Подгот. к печати В. Ф. Ржига // Повести о Куликовской битве. С. 17.

⁵⁹ Vaillant A. Les Récits de Kulikovo: «Relation des Chroniques» et «Skazanie de Mamai» // Revue des études slaves. 1961. Т. 39. P. 59—89.

⁶⁰ Соловьев А. В. К вопросу о взаимоотношениях произведений Куликовского цикла («Задонщина», «Летописная повесть» и «Сказание о Мамаевом побоище») // Русская литература. 1965. № 2. С. 243—245. По мнению А. В. Соловьева, «Задонщина» была создана в конце 1380 г., еще до смерти Мамаю.

⁶¹ Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field / Ed. R. Jakobson, D. S. Worth. The Hague, 1963. С. 16. См. Также: Jakobson R. Selected Writings. The Hague; Paris, 1966. Vol. 4. P. 520—586.

ния о Мамаевом побоище. Вместе с тем Пространную Задонщину со Сказанием роднят кроме лирико-эпических конкретные места и чтения, естественно входящие в ткань повествования воинской повести о Мамаевом побоище (например, перечень погибших белозерцев, новгородцев, рязанцев и т. п.). Поэтому Сказание явилось в свою очередь источником Пространной редакции Задонщины». ⁶²

Рассмотрим заново взаимоотношение «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины» во фрагменте «стояние на костях».

В «Сказании» эпизод «стояние на костях» разработан подробно. По отношению к Владимиру Андреевичу Серпуховскому употреблен топоним воинского повествования «стал на костях» (т. е. оставил за собой поле битвы, победил); это означает, что он изображен в «Сказании» как выигравший сражение князь (его засадный полк переломил ход битвы, он преследовал бегущих татар, а вернувшись на поле боя и не обретя великого князя Дмитрия Ивановича, «стал на костях» под княжеским знаменем). ⁶³

Далее в «Сказании» описывается воинский ритуал «стояния на костях». Автор создает вымышленную картину, руководствуясь определенными художественными задачами. В «Сказании» подробно говорится о том, как найденный под березой якобы раненый Дмитрий Иванович вместе с Владимиром Андреевичем и с оставшимися в живых князьями и воеводами объезжает поле битвы, «сердцем боля кричаше а слезами мыася». Они находят тела убитых князей белозерских, воевод Михаила Васильевича, Семена Мелика, Тимофея Волуевича, а также Михаила Андреевича Бренка и инока Александра Пересвета; останавливаясь у каждого из них, князь Дмитрий Иванович произносит речи. Затем князь повелел трубить «в събранные трубы», созывая людей. Обращаясь к ним, великий князь произносит речь, обещая оставшимся в живых воинам «по достоанию даровать» их: «Братиа моа, князи русскыа и боаре мѣстныа, и служылыа люди всеа земля! Вам подобает тако служыти, а мнѣ — по достоанию похвалити вас. Егда же упасеть мя Господь и буду на своем столѣ, на великом княжении, въ градѣ Москвѣ, тогда имам по достоанию даровати вас. Нынѣ же сиа управим: коиждо ближняго своего похороним, да не будутъ звѣрем на снѣдение телеса христианьскаа». В заключение сообщается: «Стояль князь великий за Доном на костѣх осмь дний, дондеже розобраша христианѣ с нечестивыми. Христианскаа телеса в землю покопаша, а нечестивых телеса повръжена звѣрем и птицам на расхыщение». ⁶⁴

После этого авторского текста в «Сказании» читается фрагмент, в котором тоже говорится о «стоянии на костях» и который обнаруживает текстуальное сходство с чтениями «Задонщины». Он состоит из описания поля боя после битвы, расчета убитых воевод по княжествам и речей Дмитрия Ивановича. При этом первый эпизод (описание поля боя) в одних текстах

⁶² Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 36.

⁶³ Автор «Сказания» вступил в полемику с «Летописной повестью о Куликовской битве» относительно роли в Куликовской битве ее участников. См. об этом: Соколова Л. В. История возникновения и особенности памятников Куликовского цикла // Русская литература. 2020. № 3. С. 153—164.

⁶⁴ Цит. по: Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция [вариант О]. См.: Сказание и повести о Куликовской битве. С. 47.

помещен перед списком убитых, как в «Задонщине», а в других переставлен и читается отдельно от двух других фрагментов.

Рассмотрим поочередно эти эпизоды.

1. Эпизод «вид поля боя после битвы».

В авторском тексте «Сказания» после сообщения о том, что Дмитрий Иванович был найден и ему поведали о победе, говорится: «И приведоша ему конь, и поеха на побоище, видѣ воиска своего бита много, а четверицею поганых...».⁶⁵ В варианте О Основной редакции «Сказания» в этот текст добавлены эпитеты, характеризующие поле боя: «И приведоша ему конь, и всѣд на конь и выѣхавъ на велико, силно и грозно побоище, и видѣвъ вѣйска своего бито велми много, а поганых татарь четверицею сугубь того боле бито...».⁶⁶

Описание поля боя есть и в «Задонщине». Поскольку «Задонщина» создана, согласно нашему исследованию, после «Сказания», можно предположить, что мотив «вид поля боя после битвы» автор «Задонщины» заимствовал из «Сказания» и самостоятельно создал поэтическое описание, используя традиционные поэтические образы — трупы, лежащие словно сенные стога, реки, текущие кровью: «Сталь князь великий с своим братомъ княземъ Владимиромъ Ондрѣвичемъ и с своими воеводами на костехъ. Грозно бо (в У дале: и жалосно), брате, в то время посмотри: лежать трупы христианския, акы сѣнныи стоги, а Дон рѣка три дни кровью текла» (И-1, л. 224).

В свою очередь это поэтическое и ритмически организованное описание было заимствовано из «Задонщины» в «Сказание» одним из редакторов памятника на раннем этапе его литературной истории в составе фрагмента «стояние на костях». Описание поля боя, сходное с тем, что читается в «Задонщине», присутствует, например, в варианте Ундольского Основной редакции и в Распространенной редакции; *здесь оно помещено перед расчетом убитых, как и в «Задонщине»*. В Распространенной редакции сказано ближе всего к тексту «Задонщины»: «Князь же великий Дмитрей Иванович з братом своим со князем Воладимером и с литовскими князьми, и со оставшими воеводами ста на костех. Грозно бо, брате, в то время смотрити: лежат трупие человеческое аки сенные стоги, а Дон река кровью текла».⁶⁷ В варианте Ундольского описание поля битвы оформлено как речь Дмитрия Ивановича, обращенная к Владимиру Андреевичу; кроме того, в него добавлена фраза из другого фрагмента «Задонщины» (плача коломенских жен) про реку Мечу, запруженную трупами (выделена в цитате курсивом): «И рече князь великий Дмитрий Ивановичь своему брату князю Володимеру Андриевичю: „Грозно бо, брате, в то время посмотри, лежит трупъ христианския, акы сѣннѣи стоги. А Донъ рѣка кровию текла 3 дни, а рѣка Мечь вся запрудилася трупом тотарским“».⁶⁸

⁶⁵ Цит. по варианту Ундольского Основной редакции. См.: Памятники Куликовского цикла. С. 184. Ср. в Летописной редакции: «И приведоша ему конь кроток, и всед на него, выеха на побоище и виде многое множество битых войско свое, а поганых вчетверо того избито» (Повести о Куликовской битве. С. 105).

⁶⁶ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 46.

⁶⁷ Там же. С. 102.

⁶⁸ Памятники Куликовского цикла. С. 185.

В вариантах О и Забелинском Основной редакции «Сказания» текст, сходный с чтением «Задонщины», переставлен выше и *читается там, где говорится о Владимире Андреевиче, который «стал на костях под черным знаменем» как выигравший сражение князь*. Именно ему, по замыслу составителя протографа вариантов О и Забелинского Основной редакции, и представилась картина поля боя. В этих вариантах Основной редакции к первоначальному заимствованию из «Задонщины» добавлена фраза из другого места этого памятника (см. эпизод выезда засадного полка), где сказано: «в трупи челоувѣчье борзи кони не могут скочити, а в крови по колѣно бродят. А уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьянская» (У, л. 186 об.).⁶⁹ В варианте О Основной редакции «Сказания» читаем (дополнения из другого фрагмента «Задонщины» здесь и в следующей цитате выделены курсивом): «Князь же Владимиръ Андрѣевичъ ста на костѣхъ под черным знаменем. Грозно, братие, зрѣти тогда а жалостно видѣти и грѣко посмотрити челоувѣчьаго кровопролитиа — аки морскаа вода, а трупу челоувѣчьа — аки сѣнныа громады: *борзь конь не можетъ скочити, а в крови по колѣни бродячу, а рѣки по три дни кровию течаху*». ⁷⁰ В Забелинском варианте такой текст: «И князь же Владимир Андреевич стал на костех татарских под черным знаменем великого князя Дмитрия. Грозно зрети и жалостно смотрети кровопролития русских сынов, а трупу челоувѣчьа, аки силные стоги сворочены, *борзо конь не можетъ скочити, в крове по колѣно бродяще, а реки по три дни текуще кровию*». ⁷¹

В Киприановской редакции заимствованный из «Задонщины» фрагмент «стояние на костях» переработан. Описание поля боя перед расчетом убитых опущено, а содержащиеся в нем мотивы (мертвые, лежащие словно стога, потоки крови) в переработанном виде внесены во фрагмент, рисующий поле битвы в авторском тексте «Сказания» (см. эпизод объезда великим князем Дмитрием поля сражения): «И поиде з братом своим и со остаточными князи и воеводами, яко мало их суще ошашася, и виде мертвых, лежаще аки копны, и смесишася христьяне с татары, кровь христьянская слиася с татарскою кровью, и бе видение страшно и ужасно зело». ⁷²

Составитель Летописной редакции опустил в заимствованном из «Задонщины» фрагменте описание поля битвы перед подсчетом убитых. ⁷³

Итак, сам мотив «вид поля боя» был заимствован автором «Задонщины» из «Сказания»; на его основе было создано поэтическое описание поля боя, которое, в свою очередь, было заимствовано из «Задонщины» в «Сказание». Поскольку «Сказание» было создано до «Задонщины», описание поля боя не могло быть заимствовано из «Задонщины» в *авторский* текст «Сказания»,

⁶⁹ В других вариантах Основной редакции «Сказания» (в варианте Ундольского, в Печатном варианте, в Ермолаевском списке), а также в Распространенной и Летописной редакциях в данном контексте описание поля боя отсутствует. В варианте Ундольского, например, сказано: «Князь Володимиръ Андрѣевичъ ста на костех под черным знаменем и не обрѣте брата своего великаго князя в полку, токмо литовские князи, и повели трубити събранною трубою». См.: Там же. С. 182.

⁷⁰ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 45.

⁷¹ Повести о Куликовской битве. С. 198.

⁷² Сказания и повести о Куликовской битве. С. 68.

⁷³ См.: Повести о Куликовской битве. С. 105.

как предполагал Л. А. Дмитриев.⁷⁴ Поэтому мы должны предположить, что оно было заимствовано в общий протограф вариантов О и Забелинского Основной редакции, с одной стороны, и варианта Ундольского Основной редакции и Распространенной редакции, с другой стороны. Ближе к тексту «Задонщины» Распространенная редакция и вариант Ундольского Основной редакции (в последнем, однако, добавлен текст о реке Мече, заимствованный из другого фрагмента «Задонщины» — плача коломенских жен). Как и в «Задонщине», описание поля боя читается в этих вариантах «Сказания» перед подсчетом убитых. Составитель общего протографа вариантов О и Забелинского Основной редакции перенес описание поля боя в другое место (туда, где говорится о Владимире Андреевиче, который «стал на костях» под княжеским знаменем) и при этом расширил заимствованный фрагмент за счет чтения «Задонщины», взятого из другого места — обращения Владимира Андреевича к Дмитрию Ивановичу в момент выезда засадного полка: «...в трупы челоуѣчье борзи кони не могут скочити, а в крови по колѣно бродят». Составитель Летописной редакции «Сказания» просто опустил описание поля боя в заимствованном из «Задонщины» фрагменте. Составитель Киприановской редакции опустил описание поля битвы перед расчетом убитых, но использовал его мотивы во фрагменте объезда поля боя Дмитрием Ивановичем, читавшемся в авторском тексте «Сказания».

2. Эпизод «расчет убитых».

Этот эпизод читается в «Задонщине» в двух полных списках Пространной редакции: У и И-1. В сводном списке С его нет. Остальные списки неполные, не содержат окончания. В «Сказании о Мамаевом побоище» сходный с «Задонщиной» фрагмент «расчет убитых» читается в трех вариантах Основной редакции (О, Ундольского и Забелинского), а также в Распространенной и Летописной редакциях. В Киприановской редакции в соответствующем месте указано лишь, сколько воинов пришло на битву и сколько осталось в живых (этим заканчивался в Основной редакции подсчет убитых князей и воевод по княжествам).

Сопоставим текст «Задонщины» с текстом «Сказания».

Таблица 3

«Задонщина», список У	«Сказание», Основная редакция, вариант О
<p>И рече князь великий Дмитрие Ивановичь: «Считаетеся, братия, колько у нас воевод нѣтъ и колько <i>молдых</i> людей нет». Тогда говорит стоя Михайло Александровичь московский боярин князю Дмитрѣю Ивановичю: «Государь князь великий Дмитрѣи Ивановичь, нету, государь, у нас 40 бояринов московских, 12 князей бѣлозѣрских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр</p>	<p>И рече князь великий Дмитрий Ивановичь: «Считаетеся, братие, колких вьведов нѣтъ, колких <i>служылых</i> людей?». Говорит боярин московской имянем Михайло Александрович, а был в плѣку у Микулы у Васильевича, росчетлив бысть велми: «Нѣтъ у нас, государь, 40 боаринов московских, да 12 князей бѣлозерских, да 13 боаринов посадниковъ новгородских, да 50 бояриновъ Новагорода Ниж-</p>

⁷⁴ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. С. 424.

Таблица 3 (продолжение)

«Задонщина», список У	«Сказание», Основная редакция, вариант О
<p>серпуховскихъ, 30 панов литовскихъ, 20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимеровских, 8 бояръ суздаских (так!), 40 бояръ муромских, 70 бояр рѣзаньских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр можаиских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецкихъ. А посечено от бѣзбожнаго Мамая полтретя ста тысящ и три тысячи.</p> <p>Слава тебѣ, Господи Боже нашъ, помиловаль насъ». (У, л. 192—193).⁷⁵</p>	<p>него, да 40 боаринов серпуховских, да 20 боаринов переславских, да 25 боаринов костромских, да 35 боаринов владимерских, да 50 боаринов суздальских, да 40 боаринов муромских, да 33 боаринов ростовских, да 20 боаринов дмитровских, да 70 боаринов можайских, да 60 боариновъ звенигородских, да 15 боаринов углецких, да 20 боаринов галитцских. А молодым людем счета нѣтъ; нѣ токмо вѣдаем: изгыбло у нас дружины всеа полтретя ста тысящ и три тысящи, а осталося у нас дружины пятьдесят тысящ».</p> <p>Рече же князь великий: «Слава тебѣ, вышний Творецъ, Царю небесный, милостивый Спасъ, яко помиловал еси нас, грешных, не предаль еси нас в руцѣ врагом нашим, поганым сыроядцем⁷⁶». ⁷⁷</p>

Отметим, что за спасение оставшихся в живых воинов в «Задонщине» благодарит Бога Михайло Александрович, считавший убитых, а в «Сказании» — Дмитрий Иванович.

Напомню, что ряд ученых (А. А. Шахматов, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев, Н. С. Демкова) относили фрагмент «стояние на костях» к авторскому тексту «Задонщины». Другие (В. П. Адрианова-Перетц, Р. О. Якобсон) не включали фрагмент «стояние на костях» в свои реконструкции авторского текста «Задонщины». По мнению С. К. Шамбинаго, фрагмент «стояние на костях» был добавлен в текст первоначальной «Задонщины» тем же позднейшим редактором, которому принадлежит и пролог «Задонщины». А. А. Зимин полагал, что перечисление убитых было заимствовано в Пространную «Задонщину» из авторского текста «Сказания».

Л. А. Дмитриев, отмечая, что расчет убитых выглядит инородным в поэтической «Задонщине», тем не менее полагал, что этот «деловой» по стилю фрагмент не является механической вставкой из «Сказания», а вхо-

⁷⁵ В И-1 вместо этой фразы такой текст: «И помилова Богъ Рускую землю, а татарь пало безчислено многое множество» (И-1, л. 224 об).

⁷⁶ Слово «сыроядец» автор «Сказания» заимствовал, вероятно, из «Летописной повести о Куликовской битве», где сказано: князь Дмитрий «ставъ той ноци <...> на костех тотарьских, утеръ поту своего и отдохнувь от труда своего, велико благодарение принесе к Богу, давшему такову на поганья побѣду, избавляющему раба своего от оружия люта: „Помянулъ еси, Господи, милость свою, избавил ны еси, Господи, от сыроядецъ сих, от поганаго Мамаа и от нечестивых измаилович и от беззаконных агарянь, подаваа честь, яко сынъ своей матерее“» (Пространная Летописная повесть // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 23).

⁷⁷ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 47—48.

дил в авторский текст «Задонщины».⁷⁸ Он сослался, прежде всего, на характерную черту поэтики «Задонщины», установленную Д. С. Лихачевым — ее стилистическую неоднородность. Смешение двух стилей — «высокого поэтического и делопроизводственно-прозаического» — пронизывает, по словам Д. С. Лихачева, весь текст памятника.⁷⁹ Поэтому «делопроизводственный» стиль не может, по мнению Л. А. Дмитриева, являться определяющим критерием в решении вопроса о том, в каком из двух произведений «подсчет убитых» первичен, а в каком является заимствованием. Кроме этого общего соображения ученый указал еще ряд фактов, которые, по его мнению, свидетельствуют «о большей закономерности и внутренней связанности со всем контекстом расчета убитых в „Задонщине“, чем в „Сказании“».⁸⁰

Однако вряд ли *авторская* «Задонщина» — похвальное слово Дмитрию Ивановичу и другим русским князьям — могла заканчиваться подсчетом убитых. «Задонщина» — героическая поэма (а не воинское повествование, где подсчет убитых по княжествам был бы понятен и оправдан), и ее автор сказал о количестве погибших поэтическими средствами: «...лежать трупы христианския, акы сѣннии стоги, а Дон рѣка три дни кровью текла» (И-1, л. 224). Следует иметь в виду и то, что основная идея «Задонщины» — идея реванша, возмездия, и в связи с этим гиперболический подсчет убитых русских воинов тоже представляется неуместным в авторском тексте. Судя по всему, это позднейшая прозаическая «делопроизводственная» вставка составителя Пространной редакции «Задонщины», который вносил и другие дополнения такого рода в первоначальный текст. Подобными позднейшими вставками составителя Пространной редакции являются, по нашему мнению: расчет лет от Калкской рати до Мамаева побоища; сообщение о том, что войско «храброй Литвы» насчитывало 70 000 воинов; что такое же количество насчитывало и новгородское войско (так в И-1, в У в обоих случаях — 7000). Вставкой Пространной редакции является и перечисление русских воевод в речи Дмитрия Ивановича, который, обращаясь к брату, говорит: «А воеводы у нас уставлены: 70 бояринов, и крѣпцы бысть князи бѣлозѣрстии, Федор Семеновичь да Семен Михайловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитриеи Волыньской, да Тимофеи Волуевичь, да Андрѣи Серкизовичь, да Михаило Ивановичь. А вою с нами триста тысящ окованные рати. А воеводы у нас уставлены, а дружина свѣдана...» (У, л. 179 об.—180). Как видим, после перечисления воевод фраза «а воеводы у нас уставлены» повторена еще раз — на это как на приметку вставки имен воевод указала В. П. Адрианова-Перетц.⁸¹ В этом фрагменте мы видим такое же перечисление с использованием многократно повторяющегося соедини-

⁷⁸ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. С. 425—427.

⁷⁹ Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины» // Русская литература. 1964. № 3. С. 84—107.

⁸⁰ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. С. 425—427. Позднее Л. А. Дмитриев отметил, что «прозаизмы могли возникнуть в результате поздних наслоений, а не отражают авторский текст» (История русской литературы. В 4 т. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. С. 174).

⁸¹ Адрианова-Перетц В. П. Задонщина (Опыт реконструкции авторского текста). С. 227, примеч. 86.

тельного союза «да», как и в расчете убитых, который, судя по всему, тоже является вставкой составителя Пространной редакции «Задонщины». Отметим, что в этих вставках наблюдается пристрастие составителя Пространной редакции к числам, кратным 7 (дважды — 70 000, а также 70 воевод).

Возникает вопрос: когда был заимствован фрагмент «подсчет убитых» из «Задонщины» в «Сказание»? Л. А. Дмитриев, считавший, что «Задонщина» создана ранее «Сказания», полагал, что вставка из «Задонщины» подсчета убитых вместе с последующими двумя речами великого князя была сделана автором «Сказания», так как она встречается в различных вариантах и редакциях этого произведения.⁸² По мнению Н. С. Демковой, заимствование было осуществлено не автором «Сказания», а одним из редакторов памятника. На чем основано это утверждение?

Анализируя рассказ о событиях после битвы в Распространенной редакции «Сказания», Н. С. Демкова пришла к выводу, что заимствование из «Задонщины» в «Сказание» происходило дважды: в собственно авторском тексте, когда на материале «Задонщины» автором «Сказания» была создана сцена объезда великим князем поля боя, и второй раз, когда к этой сцене был добавлен фрагмент «Задонщины» как самостоятельный эпизод повествования (вид поля боя после битвы, расчет убитых, две речи Дмитрия Ивановича). Утверждая это, исследовательница указала на повторяемость поступков и речей великого князя в рассказе «Сказания» о том, что происходило на Куликовом поле после битвы. Особенно это хорошо видно на тексте варианта О Основной редакции. Схема повествования здесь такая: 1) Князь выезжает на побоище и едет среди мертвых тел; 2) Во время объезда князем поля битвы перечисляются его павшие воины и богатыри; 3) Князь несколько раз плачет и произносит речи, причем кроме «надгробных» речей над телами воевод князь произносит три речи, обращенные к дружине в целом. Дальнейший текст, в котором присутствуют фрагменты, параллельные «Задонщине», целиком повторяет эту схему: 1) Князь с воинами стоит «на костях», разбирая тела убитых; 2) Производится расчет павших бояр; 3) Князь возносит славу Богу, хвалит погибшую дружину и обращается к «князем и воеводам» с призывом идти в Москву. Н. С. Демкова сопоставляет далее две речи Дмитрия Ивановича, обращенные к павшим воинам, в тексте Основной редакции: при объезде поля боя и после расчета убитых. Здесь налицо общие мотивы и даже текстуальные совпадения.

Это наблюдение Н. С. Демковой действительно доказывает, что подсчет убитых и следующие за этим две речи великого князя заимствованы из «Задонщины» в «Сказание». Но мы не можем согласиться с тем, что к «Задонщине» автор «Сказания» обращался дважды: в собственно авторском тексте, создав на материале «Задонщины» сцену объезда великим князем поля боя, и второй раз, используя этот текст уже как самостоятельный эпизод повествования.

По нашему мнению, фрагмент «стояние на костях» был создан в «Задонщине» на основе текста «Сказания». Затем, на определенном этапе литературной истории «Сказания», в него был внесен из Пространной редакции «За-

⁸² Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. С. 426—427.

донщины» фрагмент «стояние на костях» в дополнение к уже имеющемуся в нем повествованию о происходившем на поле боя после битвы. Это и является причиной дублированных чтений в «Сказании о Мамаевом побоище» во фрагменте «стояние на костях». Заимствованный из «Задонщины» фрагмент по-разному отразился в разных редакциях и вариантах «Сказания».⁸³

3. *Две речи Дмитрия Ивановича.*

В авторском тексте «Задонщины» фрагмент «стояние на костях» (без внесенного составителем Пространной редакции подсчета убитых) выглядит очень органично. Приведу этот фрагмент в своей реконструкции по списку У с ритмической разбивкой на строки.

И стал великий князь Дмитрей Ивановичь
съ своим братом с князем Владимиром Андрѣевичем
и со⁸⁴ своими воеводами на костѣхъ
на полѣ Куликовѣ на речке Напрядѣ.⁸⁵
Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотри:⁸⁶
лѣжат трупы крестьяньские, [аки сѣнныи стоги,]⁸⁷
а Дон река три дни кровию текла.

(У, л. 192)

И обращаясь к ним, к тем, кто остался лежать на поле Куликове, чья кровь три дня текла в реке Дон, великий князь произносит свою речь:

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь:
«Братия бояра, и князи, и дѣти боярские,
то вам сужено мѣсто меж Доном и Непром,
на полѣ Куликове на речке Напрядѣ.
Положили⁸⁸ есте головы своя за святыя церкви,
за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую.
Простите мя, братия, и благословите
в сем вѣце и в будущем».

(У, л. 193—193 об.)

⁸³ В подсчете убитых к тексту «Задонщины» в одних случаях ближе вариант Ундольского Основной редакции и Распространенная редакция, например, в «Задонщине» среди погибших названы 30 новгородских посадников (так в варианте Ундольского и Распространенной редакции, а в Основной и Летописной редакциях — 13); 20 бояринов коломенских (так в варианте Ундольского и в Распространенной редакции, а в Основной и Летописной редакциях коломенские бояре не упоминаются); в «Задонщине» нет упоминания бояринов Нижнего Новгорода (так в варианте Ундольского и в Распространенной редакции, а в Основной и Летописной редакциях — 50 бояринов Нижнего Новгорода). В других случаях с чтениями «Задонщины» совпадает Основная редакция «Сказания». Например, в «Задонщине» среди погибших названы 20 бояр переславских — так же в варианте О Основной редакции, а в варианте Ундольского и Распространенной редакции — 15. В «Задонщине» названы среди погибших 8 бояр суздальских — так в Ермолаевском списке Основной редакции, а в варианте Ундольского, в Распространенной редакции и других текстах, в том числе в варианте О Основной редакции, — 50. В последнем случае возможно смешение чисел, написанных кириллицей под титлом: **ѿ** (8) и **ѿ** (50).

⁸⁴ Так в И-1. В списке У далее: «остальными».

⁸⁵ В И-1 выделенный курсивом текст отсутствует. Вероятно, это вставка составителя списка У. Выражение «стал на костѣхъ» употреблялось в рассказах о битвах в переносном значении (оставил за собой поле битвы, победил), без указания на место битвы.

⁸⁶ Так в И-1, в У далее: «иже».

⁸⁷ Слова, заключенные в квадратные скобки, читаются в И-1. Это первоначальное чтение, оно подтверждается текстами «Сказания». В У вместо них: «у Дуная великого на брѣзе».

⁸⁸ Так в И-1. В У: «ѿ положили».

А затем, обращаясь к брату Владимиру Андреевичу, Дмитрий Иванович произносит заключительную фразу (в И-1 отсутствует):

«И поидем, брате,
князь Владимир Андрѣевичь,⁸⁹
 во свою Залескую землю,
 к славному граду Москве,
 и сядем, брате, на своем княжение.
 А чести есми, брате, добыли и славного имени.
 Богу нашему слава».

(У, л. 193 об.)

Две эти речи Дмитрия Ивановича принадлежат, без сомнения, автору «Задонщины». Р. П. Дмитриева справедливо полагала, что обращение Дмитрия Ивановича к Владимиру Андреевичу заимствовано из «Задонщины» в «Сказание», так как термин «Залес(с)кая земля» только в одном этом случае употреблен в «Сказании», а в «Задонщине» используется неоднократно. Поэтому она считала также, что это предложение не является случайной вставкой позднего редактора списка У (в списке И-1 обращение Дмитрия Ивановича к брату отсутствует), а принадлежит автору «Задонщины».⁹⁰ Кроме того, обе речи ритмически организованы, что тоже указывает на их принадлежность авторскому тексту «Задонщины».

В «Сказании о Мамаевом побоище» обе речи Дмитрия Ивановича читаются в вариантах О и Ундольского Основной редакции. В Печатном варианте Основной редакции и в Распространенной редакции смысл второй речи Дмитрия Ивановича передан сообщением от автора — о возвращении воинов во главе с князьями в Москву. Кроме того, в Печатном варианте благодарение Богу за спасение произносит, как и в «Задонщине», Михайло Александрович, подсчитывавший убитых бояринов (в вариантах О и Ундольского с благодарения Богу начинается первая речь Дмитрия Ивановича). В Распространенной редакции благодарение Богу отсутствует.

Таблица 4

«Сказание» Основная редакция вариант О	«Сказание» Основная редакция Печатный вариант	«Сказание» Распространенная редакция список РНБ Q.XVII, 223
Рече же князь великий: «Слава тебѣ, Вышний Творецъ, Царю небесный, милостивый Спась, яко	«...А изгибло, государь, у нас дружины полътретья ста тысячъ. Слава Господеви Богу, что помилвал Бог тебе, го- сударя великаго князя, и	

⁸⁹ Слова, выделенные курсивом, добавлены, вероятно, в списке У. Их нет в соответствующем фрагменте «Сказания», заимствованном из «Задонщины».

⁹⁰ Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 208. А. А. Зимин включил обращение великого князя к Владимиру Андреевичу (отсутствующее в И-1) в реконструкцию Пространной редакции «Задонщины» (Зимин А. А. Слово о полку Игореве. С. 435—461).

Таблица 4 (продолжение)

«Сказание» Основная редакция вариант О	«Сказание» Основная редакция Печатный вариант	«Сказание» Распространенная редакция список РНБ Q.XVII, 223
<p>помиловал еси нас, грѣшных, не предашь еси нас в руцѣ врагом нашим, поганым сыядцем (сыроядцем. — Л. С.).⁹¹</p> <p>А вам, братья, князи и бояре, и вьведоды, и молодые люди, русские сынове, сужено мѣсто лежати между Доном и Непром, на полѣ Куликовѣ, на рѣчке Непрядвѣ. Положыли есте головы своа за землю Русскую, за вѣру христианскую. Простите мя, братие, и благословите в сем вѣцѣ и в будущем!»</p> <p>И прослезися на длгъ час и рече князем и вьведодам своим: «Поѣдем, братье, въ свою землю Залѣскую, къ славному граду Москвѣ и сядем на своих вѣтчинах и дѣдинах: чести есмя себѣ достигли и славнаго имени!»⁹²</p>	<p>всю Руску землю. А осталось, государь, пятьдесят тысячъ».</p> <p>И рече великий князь Дмитрий Ивановичь: «Братие князи руския и воеводы местныя, и бояре силныя, и вси удалыя сынове руския, рекли есте на Русе такое слово между собою служити, головы своя за веру святорускую положити. Тако случися, братие, суженое место им за тихим Доном и быстрым Днепром, на поле Куликове, на реке Непрядве. Положили суть головы своя за веру христианскую и за святя Божия церкви и за землю Рускую.</p> <p>Простите мя, братия моя, и благословите в сем веце и в будущем». И возвратися великий князь Дмитрий Ивановичь с победы и поиде ко граду своему Москве и з братом своим со князем Владимиром Андреевичем и с оставшими вои.⁹³</p>	<p>И рече князь великий:</p> <p>«Братие, князи рустии, и бояря, и молодые люди, вам, братие, что Богом суженное место между Доном и Мечи на поле Куликове, на речке на Непрядве.</p> <p>А положили есте головы свои за землю Рускую и за веру христианскую. Простите мене и благословите грешнаго в сем веце и в будущем!»</p> <p>Сам же князь великий Дмитрей Иванович з братом своим со князем Владимиром и с литовскими князьми и со всеми со оставшими силами поиде во свою землю Залескую к славному граду Москве.⁹⁴</p>

В Киприановской редакции «Сказания» фрагмент «стояние на костях» существенно переработан. Описание поля боя в этом фрагменте, как уже сказано, отсутствует. Вместо подробного перечисления убитых сказано кратко: сколько всего воинов участвовало в походе и сколько осталось в живых (этим заканчивался расчет убитых по княжествам в Основной редакции «Сказания»). После сообщения о количестве убитых читается созданная авто-

⁹¹ Ср. в варианте Ундольского Основной редакции: «И по семь рече князь велики Дмитри: „Слава и нынѣ, Господь Богъ, помилуи нас грѣшных“» (Памятники Куликовского цикла. С. 187).

⁹² Сказания и повести о Куликовской битве. С. 48.

⁹³ Там же. С. 126.

⁹⁴ Там же. С. 102.

ром этой редакции речь князя Дмитрия Ивановича: «Воля Господня да будет! Якоже угодно бысть Господеви, тако бысть. Воли бо его кто противится? Или кто речеть противу Господеви? Его бо волею и хотением вся устрояются». Затем сообщается (этого тоже нет в других редакциях), что «повеле князь великий священником пети надгробныя песни над избиенными, и погребоща их, елико возмогоша и успеша, и воспеша священницы вечную память всем православным христианом, избиеным от татар на поле Куликове, между Дона и Мечи. Таже сам князь великы з братом своим и со всеми воиньствы остаточными велиим гласом възкликнуша им вечную память с плачем и со слезами многими». Далее следует речь великого князя, обращенная к погибшим воинам, расширенная в этой редакции (добавление выделено в цитате курсивом): *«Буди вам всем, братиа и друзи, православнии христиане, пострадавшие за православную веру и за все христианство на поле Куликове, вечнаа память между Дона и Мечи. Сие убо вам место, суженое Богом! Простите мя и благословите в сем веце и в будущем, и помолитесь о нас, вы бо увязостесь нетленными венцы от Христа Бога».*⁹⁵ Вторая речь Дмитрия Ивановича, обращенная к брату Владимиру Андреевичу, отделена в этой редакции от первой рассказом о видении воина из полка Владимира Андреевича о венцах, «на избиенных христиане сходящих». Она передана близко к тексту Основной редакции, но в отличие от последней Дмитрий Иванович обращается, как и в «Задонщине», к брату, а не ко всей «братии»: «Поидем, брате, на свою землю Залетскую, ко славнейшему граду Москве, и сядем на своем княжении и на своей отчине и дедине, а чти и славы есмя себе укупили в род и род».⁹⁶

Поскольку, по нашему мнению, «Сказание» написано до «Задонщины», то уже поэтому следует признать, что две заключительные речи Дмитрия Ивановича, созданные автором «Задонщины», добавлены не в авторский текст «Сказания», а в общий протограф известных нам редакций. Доказательством вторичности этих речей в «Сказании» является и то, что первая речь (прощание с убитыми воинами) дублирует речь Дмитрия Ивановича, которая присутствовала в авторском тексте «Сказания» в сцене объезда князьями поля боя. Сопоставим две эти речи по Основной редакции «Сказания».

Таблица 5

Речь великого князя в эпизоде объезда поля боя	Речь великого князя после расчета убитых
Братиа, русскыя сынове, князи и бояре, и вьеводы, и дѣти боярьскыя! Суди вам Господь Богъ тою смертию умерети. Положили есте главы своа за святыа церкви и за православное христианство. <...> Братья моа князи, сынове русскыя, аще имате дръзновение у Бога, помолитесь о нас, вѣм бо, яко послушаеть вас Богъ, да вкупѣ с вами у Господа Бога будем! ⁹⁷	А вам, братья, князи и боаре, и вьеводы, и молодые люди, русскыя сынове, суженое мѣсто лежати между Доном и Непром, на полѣ Куликовѣ, на рѣчке Непрядвѣ. Положили есте головы своа за землю Русскую за вѣру христианскую. Простите мя, братие, и благословите в сем вѣцѣ и в будущем! ⁹⁸

⁹⁵ Там же. С. 69.⁹⁶ Там же.⁹⁷ Там же. С. 47.⁹⁸ Там же. С. 48.

Итак, автор «Задонщины», основываясь на тексте «Сказания», составил ритмически организованную, емкую и краткую речь Дмитрия Ивановича, обращенную к погибшим воинам. От себя автор «Задонщины» добавил обращение великого князя к Владимиру Андреевичу. В Пространную редакцию «Задонщины» был внесен подсчет убитых. И затем весь фрагмент «стояние на костях» (описание поля боя, подсчет убитых, две речи Дмитрия Ивановича) был заимствован из «Задонщины» в «Сказание» одним из редакторов этого памятника на раннем этапе его литературной истории. В Печатном варианте Основной редакции и в Распространенной редакции вторая речь великого князя заменена сообщением от автора о возвращении братьев в Москву.

Составитель варианта Ундольского постарался ликвидировать явную границу во фрагменте «стояние на костях» между авторским текстом «Сказания» и заимствованным из «Задонщины» с целью создать единое, более последовательное повествование. Призыв Дмитрия Ивановича похоронить убитых и сообщение о том, что великий князь стоял на костях 8 дней, он перенес, поставив после подсчета убитых. А две речи Дмитрия Ивановича отделил от подсчета убитых, поместив после сообщения о судьбах Мамаея и Ольгерда.

Подведем итог.

Сопоставление параллельных чтений «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины» подтверждает ранее высказанное автором мнение о первичности «Сказания» по отношению к «Задонщине». Кроме того, проведенный анализ опровергает гипотезу о том, что «Сказание» дважды подвергалось влиянию «Задонщины»: в первый раз при написании текста, а затем при его редактировании. Анализ параллельных чтений «Сказания» и «Задонщины» показал, что имело место сложное взаимовлияние памятников: первоначально «Задонщина» была написана на основе «Сказания», а позже редакторы «Сказания» привнесли в его текст несколько заимствований из «Задонщины».

Автор «Задонщины», основываясь на тексте «Сказания», создал свое произведение в риторическом, поэтическом стиле.

Заимствование фрагментов «Задонщины» в «Сказание» происходило на разных этапах литературной истории памятника: как в общий протограф дошедших текстов, так и в отдельные редакции и даже в отдельные варианты редакций (например, в Печатный вариант Основной редакции).

В дальнейшем предстоит проделать тщательное сопоставление трех основных литературных памятников о Куликовской битве для выявления полной картины взаимовлияния текстов «Летописной повести о Куликовской битве», «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины».

Список литературы

Адрианова-Перетц В. П. «Задонщина». (К вопросу о реконструкции авторского текста) // ИЮЛЯ. 1947. Т. 6, вып. 2. С. 95—100.

Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 201—256.

Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. Текст и примечания // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 194—224.

Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 440—476.

Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 385—439.

Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 306—359.

Задонщина. Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю / После сл. С. Шамбинаго; Общ. ред. Ф. М. Головенченко. [М.]: ОГИЗ — Гос. изд-во худож. лит-ры, [1947]. 48 с.

Зимин А. А. Слово о полку Игореве / Отв. ред. В. Г. Зимины, О. В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 515 с.

Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoriam. Сб. памяти Я. С. Лурье / Сост. Н. М. Ботвинник, Е. И. Ванеева. СПб.: Atheneum-Феникс, 1997. С. 253—262.

Клосс Б. М. Сказание о Мамаевом побоище // Клосс Б. М. Избранные труды. В 2 т. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI вв. С. 331—348.

Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины» // Русская литература. 1964. № 3. С. 84—107.

Памятники Куликовского цикла / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 410 с.

Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 511 с. (Лит. памятники).

Потебня А. А. I. Слово о полку Игореве. Текст и примеч. С доп. из черновых рукописей «О Задонщине»; II. Объяснение малорусской песни XVI века. 2-е изд. Харьков: Тип. «Мирный труд», 1914. 233 с.

Пространная Летописная повесть // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 16—24.

Ржига В. Ф. Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина). С приложением текста Слова Софония и 28 снимков с текста по рук. ГИМ XVI в. М.: [б. и.], 1947. 99 с. (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина / Кафедра рус. лит. Т. 43).

Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 98—124.

Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского) // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 134—222.

Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 49—72.

Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 77—107.

Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция [вариант О] // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 25—48.

Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция, печатный вариант // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 103—127.

Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 223—250.

Сказание о Мамаевом побоище. Распространенная редакция [список РНБ, собр. Погодина, № 1414] // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 109—162.

Сказание о Мамаевом побоище. Распространенная редакция [список РНБ, Q.XVII, 223.] // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 73—102.

Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л.: Наука, 1982. 422 с. (Лит. памятники).

«Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова» / Ред. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. М.; Л.: Наука, 1966. 619 с.

Слово Софония рязанца (Задонщина) / Подгот. к печати В. Ф. Ржига // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 7—26.

Соколова Л. В. История возникновения и особенности памятников Куликовского цикла // Русская литература. 2020. № 3. С. 153—164.

Соколова Л. В. К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 643—682.

Соколова Л. В. Первоначальна ли Краткая редакция «Задонщины»? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 673—724.

Соколова Л. В. Содержал ли авторский текст «Сказания о Мамаевом побоище» вставки из «Задонщины»? (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 101—121.

Соловьев А. В. К вопросу о взаимоотношениях произведений Куликовского цикла («Задонщина», «Летописная повесть» и «Сказание о Мамаевом побоище») // Русская литература. 1965. № 2. С. 243—245.

Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 526—532.

Тексты «Задонщины» / Подгот. к печати Р. П. Дмитриева // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 535—556.

Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1906. (СОРЯС. Т. 81). 190 с.

Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго (СПб., 1906) // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 79—204.

Jakobson R. Selected Writings. The Hague; Paris, 1966. Vol. 4. P. 520—586.

Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field / Ed. R. Jakobson, D. S. Worth. The Hague, 1963. 71 p.

Vaillant A. Les Récits de Kulikovo: «Relation des Chroniques» et «Skazanie de Mamai» // Revue des études slaves. 1961. Т. 39. P. 59—89.

References

Adrianova-Peretc V. P. «Zadonshchina». (K voprosu o rekonstrukcii avtorskogo teksta) // IOLJa. 1947. Т. 6, вып. 2. S. 95—100.

Adrianova-Peretc V. P. Zadonshhina. (Opyt rekonstrukcii avtorskogo teksta) // TODRL. M.; L., 1948. Т. 6. S. 201—256.

Adrianova-Peretc V. P. Zadonshhina. Tekst i primechanija // TODRL. M.; L., 1947. Т. 5. S. 194—224.

Demkova N. S. Zaimstvovanija iz «Zadonshhiny» v tekstah Rasprostranenoj redakcii «Skazanija o Mamaevom poboishche» // «Slovo o polku Igoreve» i pamjatniki Kulikovskogo cikla. M.; L., 1966. S. 440—476.

Dmitriev L. A. Vstavki iz «Zadonshhiny» v «Skazanie o Mamaevom poboishche» kak pokazateli po istorii teksta etih proizvedenij // «Slovo o polku Igoreve» i pamjatniki Kulikovskogo cikla. M.; L., 1966. S. 385—439.

Dmitriev L. A. Literaturnaja istorija pamjatnikov Kulikovskogo cikla // Skazanija i povesti o Kulikovskoj bitve. L., 1982. S. 306—359.

Zadonshhina. Slovo o velikom knjaze Dmitrii Ivanoviche i o brate ego, knjaze Vladimire Andreeviche, jako pobedili supostata svoego carja Mamaja / Poslesl. S. Shambinago; Obshch. red. F. M. Golovenchenko. [M.]: OGIZ — Gos. izd-vo hudozh. lit-ry, [1947]. 48 s.

Zimin A. A. Slovo o polku Igoreve / Otv. red. V. G. Zimina, O. V. Tvorogov. SPb.: Dmitriij Bulanin, 2006. 515 s.

Kloss B. M. Ob avtore i vremeni sozdanija «Skazanija o Mamaevom poboishche» // In memoriam. Sb. pamjati Ja. S. Lur'e / Sost. N. M. Botvinnik, E. I. Vaneeva. SPb.: Atheneum-Feniks, 1997. S. 253—262.

Kloss B. M. Skazanie o Mamaevom poboishche // *Kloss B. M. Izbrannye trudy*. V 2 t. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2001. T. 2: Oчерki po istorii russkoj agiografii XIV—XVI vv. S. 331—348.

Lihachev D. S. Cherty podrazhatel'nosti «Zadonshchiny» // *Russkaja literatura*. 1964. № 3. S. 84—107.

Pamjatniki Kulikovskogo cikla / Sost. A. A. Zimin, B. M. Kloss, L. F. Kuz'mina, V. A. Kuchkin. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1998. 410 s.

Povesti o Kulikovskoj bitve / Izd. podgot. M. N. Tihomirov, V. F. Rzhiga, L. A. Dmitriev. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959. 511 s. (Lit. pamjatniki).

Potebnja A. A. I. Slovo o polku Igoreve. Tekst i primech. S dop. iz chernovyh rukopisej «O Zadonshhine»; II. Ob'jasnenie malorusskoj pesni XVI veka. 2-e izd. Har'kov: Tip. «Mirnyj trud», 1914. 233 s.

Prostrannaja Letopisnaja povest' // *Skazanija i povesti o Kulikovskoj bitve*. L., 1982. S. 16—24.

Rzhiga V. F. Slovo Sofonija rjazanca o Kulikovskoj bitve (Zadonshhina). S prilozheniem teksta Slova Sofonija i 28 snimkov s teksta po ruk. GIM XVI v. M.: [b. i.], 1947. 99 s. (Uchen. zap. MGPI im. V. I. Lenina / Kafedra rus. lit. T. 43).

Salmina M. A. K voprosu o datirovke «Skazanija o Mamaevom poboishche» // *TODRL*. L., 1974. T. 29. S. 98—124.

Skazanie o Mamaevom poboishche (variant Undol'skogo) // *Pamjatniki Kulikovskogo cikla*. SPb., 1998. S. 134—222.

Skazanie o Mamaevom poboishche. Kiprianovskaja redakcija // *Skazanija i povesti o Kulikovskoj bitve*. L., 1982. S. 49—72.

Skazanie o Mamaevom poboishche. Letopisnaja redakcija // *Povesti o Kulikovskoj bitve*. M., 1959. S. 77—107

Skazanie o Mamaevom poboishche. Osnovnaja redakcija [variant O] // *Skazanija i povesti o Kulikovskoj bitve*. L., 1982. S. 25—48.

Skazanie o Mamaevom poboishche. Osnovnaja redakcija, pechatnyj variant // *Skazanija i povesti o Kulikovskoj bitve*. L., 1982. S. 103—127.

Skazanie o Mamaevom poboishche Osnovnoj redakcii po Ermolaevskomu spisku // *Pamjatniki Kulikovskogo cikla*. SPb., 1998. S. 223—250.

Skazanie o Mamaevom poboishche. Rasprostranennaja redakcija [spisok RNB, sobr. Pogodina, № 1414] // *Povesti o Kulikovskoj bitve*. M., 1959. S. 109—162.

Skazanie o Mamaevom poboishche. Rasprostranennaja redakcija [spisok RNB, Q.XVII, 223] // *Skazanija i povesti o Kulikovskoj bitve*. L., 1982. S. 73—102.

Skazanija i povesti o Kulikovskoj bitve / Izd. podgot. L. A. Dmitriev, O. P. Lihacheva. L.: Nauka, 1982. 422 s. (Lit. pamjatniki).

«Slovo o polku Igoreve» i pamjatniki Kulikovskogo cikla. K voprosu o vremeni napisanija «Slova» / Red. D. S. Lihachev, L. A. Dmitriev. M.; L.: Nauka, 1966. 619 s.

Slovo Sofonija rjazanca (Zadonshchina) / Podgot. k pečati V. F. Rzhiga // *Povesti o Kulikovskoj bitve*. M., 1959. S. 7—26.

Sokolova L. V. Istorija vozniknovenija i osobennosti pamjatnikov Kulikovskogo cikla // *Russkaja literatura*. 2020. № 3. S. 153—164.

Sokolova L. V. K voprosu o datirovke i avtorstve «Skazanija o Mamaevom poboishche» // *TODRL*. SPb., 2020. T. 67. S. 643—682.

Sokolova L. V. Pervonachal'na li Kratkaja redakcija «Zadonshchiny»? (V svjazi s noveshimi rabotami o vzaimootnoshenii «Slova o polku Igoreve» i «Zadonshchiny») // *TODRL*. SPb., 2014. T. 62. S. 673—724.

Sokolova L. V. Soderzhal li avtorskij tekst «Skazanija o Mamaevom poboishche» vstavki iz «Zadonshhiny»? (K voprosu o vzaimootnoshenii pamjatnikov) // *TODRL*. SPb., 2017. T. 65. S. 101—121.

Solov'ev A. V. К вопросу о взаимоотношениях произведений Куликовского цикла («Zadonshchina», «Letopisnaja povest'» i «Skazanie o Mamaevom poboishche») // Russkaja literatura. 1965. № 2. S. 243—245.

Tvorogov O. V. O kompozicii vstuplenija k «Zadonshchine» // «Slovo o polku Igoreve» i pamjatniki Kulikovskogo cikla. M.; L., 1966. S. 526—532.

Teksty «Zadonshchiny» / Podgot. k pečati R. P. Dmitrieva // «Slovo o polku Igoreve» i pamjatniki Kulikovskogo cikla. M.; L., 1966. 535—556.

Shambinago S. K. Povesti o Mamaevom poboishche. SPb.: Tipografija imperatorskoj Akademii nauk, 1906. (SORJaS. T. 81). 190 s.

Shahmatov A. A. Otzyv o sochinenii S. K. Shambinago (SPb., 1906) // Otchet o dvenadcatom prisuzhdenii imp. Akademijeju nauk premij mitropolita Makarija v 1907 g. SPb., 1910. S. 79—204.